

Александр Степанович Грин

Открыватель замков

Александр Степанович Грин

Открыватель замков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055817

Аннотация

«В ноябре 1797 года механик Генри Модлей поссорился со своим хозяином Джозефом Брамахом и начал самостоятельное дело, сняв полуразрушенную кузницу. Два дня Модлей и его хорошенькая жена, Сарра Тиндэль – теперь мистрисс Модлей, – работали не покладая рук, чтобы привести заброшенное помещение в годное для работы состояние; так как Модлей, очень любивший свое дело, хотел непременно начать работать с понедельника, то два дня – пятница и суббота – прошли в починке верстаков, горна и свинцовых оконных рам. Часть инструментов, сделанных для себя за время работы у Брамаха, Модлей перенес в кузницу; остальной необходимый инвентарь – молоты, клещи и т. п. – ему пришлось купить из последних денег, но он не жалел о расходах, так как знал, что недостатка в заказах не будет...»

Содержание

Александр Грин

Открыватель замков

В ноябре 1797 года механик Генри Модлей поссорился со своим хозяином Джозефом Брамахом¹ и начал самостоятельное дело, сняв полуразрушенную кузницу. Два дня Модлей и его хорошенькая жена, Сарра Тиндэль – теперь мистрисс Модлей, – работали не покладая рук, чтобы привести заброшенное помещение в годное для работы состояние; так как Модлей, очень любивший свое дело, хотел непременно начать работать с понедельника, то два дня – пятница и суббота – прошли в починке верстаков, горна и свинцовых оконных рам. Часть инструментов, сделанных для себя за время работы у Брамаха, Модлей перенес в кузницу; остальной необходимый инвентарь – молоты, клещи и т. п. – ему пришлось купить из последних денег, но он не жалел о расходах, так как знал, что недостатка в заказах не будет.

Действительно, не успел Модлей выпить кружку эля и съесть кусок холодного пирога с мясом, которые Сарра принесла из ближайшей таверны, как дверь открылась и в кузницу вошел пожилой человек в темном плаще – художник Лингрев, живший на Пикадилли, по соседству с мастерскими Брамаха. Не даровитый, однако имеющий много

¹ Д. Брамах родился в 1748 г. Г. Модлей родился в конце XVIII столетия в 1771 г.

заказов, благодаря спасительному инстинкту посредственности – уметь угождать клиентам, – Лингрев рисовал портреты. У него была слабость желать усилить свое значение разного рода выдумками; так, он заказал Брамаху для входной двери висячий фонарь в виде полушария, а теперь, прослышав, что главный мастер Брамаха ушел от хозяина, явился заказать Модлею железный мольберт, чертеж которого нарисовал сам.

– Мистер Лингрев! – воскликнул Модлей, в то время как просиявшая Сарра торопливо вытирала скамейку для посетителя. – Мы еще ничего не начали! Только что привели в порядок эту лачугу. Не были ли вы у Брамаха?

– Вот именно, – ответил, усаживаясь, Лингрев, – я вынес впечатление, что дядя Джозеф едва ли сам очень доволен своим поступком по отношению к Модлею. Разумеется, мне нужен мастер Модлей. Я люблю тщательно отделанные вещи, и едва ли кто-нибудь может работать так тщательно, как ваш муж, милая Сарра.

– Я совершенно уверена в этом, – ответила молодая женщина, принимая важный вид, но отворачиваясь, чтобы не рассмеяться. Схватив веревку кузнечных мехов, она стала раздувать горн; треща, полетели искры.

– Сядь, Сарра, – сказал Модлей, – ты мешаешь мистеру Лингреву говорить о своем деле.

– Старый ватерклозетчик!² – воскликнула мистрисс Мод-

² «Мастер, устраивающий ватерклозеты» – первоначальная вывеска мастер-

лей, бывшая ранее служанкой Брамаха. – Если бы еще он был скуп! Не перебивайте, у меня накопело на старика. Он не скуп, но он считает Генри мальчиком. И это в то время, как Генри придумал ему столько разных усовершенствований для станков и замков!

Восклицание Сарры Модлей – «старый ватерклозетчик» – относилось к началу деятельности Брамаха.

Лингрев и Модлей рассмеялись.

– Сарра права, – сказал Модлей. – Один мой самозадерживающий клапан для гидравлических прессов дал дяде Джозефу несколько тысяч фунтов.

– Все любили Генри, – продолжала взволнованная Сарра. – А вы знаете, что его нельзя не любить. Он честен и прямодушен. Если он талантливее Брамаха, то...

– Довольно, Сарра, – мягко сказал Модлей.

– Я только доскажу: ты, главный мастер, получал тридцать шиллингов в неделю. Что же, он не мог прибавить пятнадцать?

– Боюсь, не начал ли мистер Брамах завидовать вам? – заметил Лингрев.

Модлей нахмурился и допил свой эль; понимая его молчание, Лингрев достал чертежи мольберта, и они принялись толковать о заказе, а Сарра удалилась в жилое помещение над мастерской, чтобы устроить постели.

Когда Модлей, очень довольный первым самостоятель-

ным заказом, проводил художника и закрыл дверь, им овладело раздумье. Он был один в полутемной кузнице, с полной уверенностью в своих силах и с недоумением по отношению к Брамаху. Действительно, не завидовал ли старый механик-изобретатель молодому человеку с ясным умом и точной рукой? Придуманый Модлеем самозадерживающий клапан гидравлического пресса превратил это изобретение в практически полезную машину, тогда как без Модлея прессу суждено было остаться лишь интересной игрушкой. Но Брамах неохотно говорил о клапане Модлея; даже не упомянул о нем вовсе, когда составлял подробное описание гидравлического пресса. Модлей вспомнил массу труда, терпения и изобретательности, какие употреблены были им ради усовершенствования орудий и машин для выделки знаменитых замков Брамаха; вспомнил он также, что Брамах признавался в семейном кругу, – о чем знала Сарра, – как нужен ему Модлей ради усовершенствования обработки замков. Модлей работал у Брамаха несколько лет, но, добившись звания главного мастера, не добился пустяковой прибавки к жалованью.

«Да, Сарра права, – сказал Модлей, – старик хочет взять все и не дать ничего. Он ревнует меня к тому, что я изобретаю. Однако надо работать».

Сказав так, Модлей подошел только к токарному станку с лично им придуманным самодействующим суппортом, чтобы еще раз проверить это усовершенствование, сыграв-

шее впоследствии такую огромную роль для токарей по дереву и металлу, как вынужден был обернуться.

Перед ним стоял человек малого роста, в нахлобученной до самых глаз кожаной шляпе, шерстяных чулках и наглухо застегнутом дорожном камзоле, поверх воротника которого был обмотан дорогой шелковый шарф. Быстрые напряженные глаза посетителя остановились на серьезном красивом лице Модлея, который хотя не испугался, однако нахмурился и, быстро подойдя к неизвестному, резко спросил, – что значит его неслышное, загадочное присутствие?

– Мистер Модлей, – сказал незнакомец, торопливо разматывая шарф, чтобы освободить затекшую шею, и не сводя с мастера нагло-серьезных глаз, – время позднее, но я сильно стучал. Должно быть, вы крепко задумались. У меня есть дело, прямо касающееся вас, а так как я привык говорить все сразу – то имейте терпение выслушать. Может быть, мое посещение пригодится как вам, так и мне.

Хриплый, самоуверенный голос незнакомца, его лицо и темная, отталкивающая хитрость рыскающих по собеседнику глаз – внушали Модлею мало доверия к посетителю, но вежливый по природе механик не мог отказать в беседе кому бы то ни было, если еще не спал. Жестом пригласив гостя сесть на деревянную скамью, ближе к горну, потому что холодная зима студила ноги и руки, Модлей встал у стены и, заложив руки за спину, приготовился слушать.

– Хотите знать, кто говорит с вами? – сказал незнакомец.

– Вероятно, изобретатель, – шуточно ответил Модлей.

– Меня зовут Джек Алевар, из Филадельфии, – сказал посетитель, начав еще внимательнее изучать выражение лица механика, скрытого тенью кузнечного меха. Пять часов назад я оставил палубу корабля «Кентукки» и уже побывал у Брамаха. Его я не видел. Я узнал все, нужное мне, окольным путем. Хотите ли вы заработать двести фунтов?

– Надо послушать, как это вы расскажете все до конца, – возразил Модлей, – потом будем судить, очень ли хочется мне заработать так любезно предложенные вами двести фунтов.

– «Иди прямо к делу», – говорил покойный Том – Рваная Голова, – сказал Джек Алевар. – Вы, черт возьми, сбили меня своим дьявольски рассудительным замечанием. Мистер Модлей, я плыл четыре недели совсем не ради того, чтобы греть свои ноги около ушей вашего горна. Я тоже изобретатель, однако из скромности умолчу о своих открытиях. Они... гм... довольно многочисленны. Но я хочу сделать еще одно открытие, и вы можете мне помочь.

– Какого рода открытие?

– Я говорю о патентованном висячем замке Брамаха, – сказал Джек Алевар, подсаживаясь ближе к Модлею и понижая голос. – Имейте терпение выслушать. Как вам известно, мистер Модлей, в окне мастерской Брамаха, на Пикадилли, девятый год висит объявление, обещающее двести фунтов стерлингов тому, кто откроет без помощи ключа, отмыч-

кой или другим инструментом, знаменитый патентованный замок вашего бывшего хозяина. Сотни лиц брались за такое дело, однако еще никто не открыл замка. Надо сказать вам, что в Америке на эти замки большой спрос, и так как устройство механизма не позволяет подделать ключ, то естественно, что у людей, склонных к разрешению умственно-приятных задач, начали чесаться мозги и руки. Три месяца тому назад я заключил пари с мистером Фергюсом Дезантом, арматором, на десять тысяч долларов в том, что открою замок Брамаха без ключа к пятнадцатому декабрю тысяча семьсот девяносто седьмого года. Мистер Модлей, я ошибся в своих силах и переоценил свои способности, которые, смею сказать... Сегодня четырнадцатое ноября. Итак, я слушаю вас.

– В чем же дело? – спросил Модлей. – Если я вас правильно понимаю, вы не прочь подкупить меня? Так, что ли?

– Ну, нет, – воскликнул Джек Алевар. – Это вы подкупили меня, подкупили вашим талантом, вашей любезностью, наконец вашей энергией. Я хотел только просить вас сообщить мне способ открыть замок, так как мое безвыходное положение очевидно. Простая, я скажу даже – пустяковая услуга, тем более что, совершенствуя Брамаху эти замки, вы, конечно, знаете о них все. Я же, со своей стороны, охотно передал бы вам премию; и даже очень прошу вас принять ее – раз вы находитесь в затруднительных обстоятельствах.

– Как это вы успели так скоро узнать о моих обстоятельствах, – рассмеялся Модлей.

– Вы шутите! Почему – скоро?! Иногда в течение пятнадцати минут мне удавалось... гм... да... делать серьезные открытия. Гм... я – американец, мистер Модлей. «Да» или «нет»?

– Генри! – крикнула сверху Сарра. – С кем ты там говоришь?

– Остайся наверху, – громко ответил Модлей. – Я скоро приду. – Обращаясь к Алевару, Модлей продолжал: – Не выйдет, мистер Алевар; говорю это прямо и окончательно. Так что не пытайтесь настаивать.

Американец некоторое время пристально смотрел на изобретателя и получил второй ответ взглядом Модлея, выразившим довольно красноречиво желание избавиться от предприимчивого собеседника.

– Брамах вас обидел, – заметил Джек как бы про себя.

– Что бы ни было между нами, я не хочу расплачиваться фальшивой монетой. Довольно об этом.

Джек Алевар встал, вздохнув так тяжело и скорбно, как если бы у него пропала охота жить.

– Еще раз, – нерешительно сказал Алевар. – Вам деньги нужны...

Модлей положил руку на плечо собеседника и зевнул.

– Проваливайте, парень, – сказал он. – Я вижу, вы приехали не из Америки, а с Гай-стрит.

Удивленный Алевар хотел было обидеться, но поперхнулся и рассмеялся.

– Вы, Генри Модлей, честный человек, – сказал он довольно кисло, – но я тоже честный человек и не хочу вас больше обманывать. Я – вор. Только я живу не на Гай-стрит, а на Пикадилли. Хотите – верьте, хотите – нет, однако эти проклятые замки у меня вот где сидят!

Алевар хлопнул себя по затылку, плюнул и спросил:

– Но в чем же дело?

– Если хотите знать – тщательная отделка и пригонка частей, – сказал Модлей. – Вот главное.

– Главное... главное... – пробормотал, уходя, Джек Алевар.

Он был на улице и не слышал хохот Модлея, отметившего, несмотря на утомление, весь каторжный юмор этой заключительной реплики. Услышав смех мужа, Сарра сбежала вниз и, узнав, что произошло, крепко поцеловала своего Генри.

– Вот! Ты всегда был такой, – сказала она. – Дядя Джозеф!

С великим изумлением муж и жена смотрели на тучную фигуру и мрачное лицо «старого ватерклозетчика» Джозефа Брамаха, явившегося, в порыве раскаяния мириться с бывшим своим главным мастером. Брамах вошел, тяжело опираясь на трость; сжав зубами черенок трубки, старик нервно процедил:

– Ну, Генри, довольно. Пятнадцать шиллингов я прибавлю. Сарра, уговорите вашего мужа! Все дело в проклятой печени!

– Нет, нет! – живо воскликнул Модлей. – Мы слишком

долго работали вместе, дядя Джозеф, над вашими и моими изобретениями, чтобы печень принять в расчет. Мы были товарищами. Вы захотели показать, что вы хозяин. Оставайтесь хозяином. Надеюсь, что я не умру от голода.

Брамах начал просить, убеждать, но Модлей не согласился вернуться. Рассерженный Брамах сказал:

– Бросим. К тебе не заходил этакий потасканный джентльмен, лет сорока? Этот человек вертелся сегодня утром в трактире около Ландау и Проктора; он их выспрашивал, где ты снял кузницу и... будешь ли делать замки. Проктор сознался, что наболтал.

– Никто не был, – ответил Модлей. – Идите спать, дядя Джозеф. У меня против вас нет зла в сердце моем, только вознаграждение за мой адский труд должно было бы быть справедливей.

– Генри не пойдет к вам, – заявила Сарра. – Ведь он не мальчик теперь. Генри прост, но он тверд, как...

– Как что, дерзкая девчонка? – закричал Брамах.

– Как солдатский кожаный галстук, который спас мне жизнь в Вест-Индии, – сказал Модлей, улыбаясь и показывая шрам на шее под скулой, оставленный пулей, скользнувшей по галстуку. – Не будь этой кожи, не было бы на свете Модлея. Что толковать? Дядя Джозеф, ступайте домой. Спокойной ночи!³

³ Замок Брамаха был открыт лишь в 1851 г. американцем Гоббсом, потратившим на это дело 16 дней.